
Юлия Соло
Трилогия «Сварогов Ковчег» книга 1 «Искра»

Юлия Соло

Трилогия «Сварогов Ковчег» книга 1 «Искра»

https://litres.ru/74749122
SelfPub; 2026

Аннотация

На раскопках под Плёсом студент-археолог Артём случайно режет руку о край треснувшего обсидианового ковчежца. Капля крови замыкает древний пеньковый узел — и в 2026 год вырывается Выжига. Пятнадцать тысяч лет назад этот палач пантеона выжигал целые племена, чтобы стереть имена богов из памяти смертных. Теперь он снова на свободе и идёт по стране, собирая уставших, оседлых богов, прячущихся в провинциальных ветклиниках, чайных и ночных ЧОПах.

Ожог на ладони Артёма превращается в синий маяк Нави, который не скрыть даже медной проволокой. Вместе с другом детства Дэном, филологом Верой и семьёй дачного сварщика Ковалёва он вынужден бежать на север. Их единственное оружие — уцелевшие берестяные свитки с узелковым кодом, закалённая в воде громовая стрелка и странный цифровой дух, родившийся из искры Сварога в гудящих проводах сети

Юлия Соло
Трилогия «Сварогов Ковчег» книга 1 «Искра»

Трилогия «Сварогов Ковчег»
Книга 1. «Искра»
Пролог. Пепел первых узлов

В узкой, заваленной сланцевыми валунами пещере над скованной льдом рекой пахло не дымом очага — пахло паленой шерстью, кислым озоном и раскаленным камнем.

Снаружи, за кривой щелью лаза, забитой шкурами и мерзлым хворостом, завывал ледяной ветер палеолита, несущий с севера сухую, колючую снежную крупу. Но внутри каменного мешка стояла удушливая, суховатая жара, словно кто-то раздул под ногами кузнечный горн. На плоском, закопченном базальтовом валуне, покрытом сажей и бурыми разводами засохшей крови, лежали три узкие полоски выделанной лосиной кожи, два берестяных лоскута и моток жесткой, некрученой пеньковой бечевы.

Старик-писец по имени Волот сидел на корточках, низко склонившись над камнем. Пальцы его левой руки были обрублены по первую фалангу еще в позапрошлую стужу, а на правой костяшки лопнули до самой кости от сухого мороза, но двигались они с пугающей, выверенной точностью. Узел

за узлом, петля за петлей он затягивал жесткую пеньку, вплетая в нее мелкие, острые как бритва осколки черного, блестящего на срезе камня — Свароговой окалины, выбитой из упавшей с неба руды.

Рядом, привалившись спиной к влажной, покрытой изморозью стене пещеры, тяжело и хрипло дышал охотник Рудан. В его правом боку темнела рваная рана, стянутая сыромятными жилами, а в здоровой руке он мертвой хваткой сжимал короткое ясеневое копье с широким, пористым наконечником из серой громовой стрелки. Три луны назад племенные кузнецы закалили этот клинок в ледяной воде омута, где утопили старого каменного идола, чтобы металл научился пить чужую силу и не плавился от божественного огня.

— Быстрее, дед, — просипел Рудан, сплевывая на камень розовую слюну и прислушиваясь к глухим, тяжелым ударам, от которых с потолка пещеры сыпалась известковая крошка. — Он почуял нашу кровь. Идет по следу.

— Не торопи руку, охотник, — тихо, без тени страха ответил Волот, не поднимая слезящихся от копоти глаз. — Узел, завязанный в спешке, развяжется от первого ветра. А в этих петлях — его Имя. Пока Имя заперто в пеньке и бересте, смертный может ранить бессмертного. Если же нить лопнет — не спасет ни камень, ни лед.

Снаружи раздался звук, похожий на треск ломающегося векового дуба. Многотонный валун, которым охотники завалили вход в пещеру перед закатом, сдвинулся с места, сди-

рая пласты слежавшегося снега и мерзлой глины.

В узком проеме возник силуэт. Он не был похож ни на пещерного медведя, ни на великана из племенных сказок. В пещеру втиснулось существо, сотканное из серого, потрескавшегося базальта, обугленной плоти и тлеющих в глубине груди багровых углей. На месте лица у него темнела гладкая, лишенная черт каменная маска, прорезанная двумя узкими горизонтальными щелями, из которых сочился сухой, обжигающий жар.

Выжига. Палач пантеона. Тот, кого верхние боги спустили на землю, чтобы выжечь память о них из голов слишком умных смертных.

Воздух в пещере мгновенно стал сухим и колючим, как перед степным пожаром. Сухая трава на подстилке в углу задымилась и вспыхнула без единой искры. В ноздри ударил невыносимый, удушливый смрад мокрой псины, жженого волоса и раскаленной руды.

— Вы записали то, что вам не принадлежит, — произнес Выжига. Голос его не звучал в воздухе — он тяжелым, раскаленным камнем ворочался прямо в черепах обоих людей, выбивая из носа теплую сукровицу. — Тот, кто связывает Имя бога в узел, становится его хозяином. Я сотру ваши петли, ваши свитки и ваши кости.

Рудан не стал кричать. Охотник рванулся вперед с места, вкладывая весь остаток сил и вес израненного тела в прямой удар коротким копьем. Пористый наконечник из громовой

стрелки с сухим, трескучим звоном вошел в каменную грудь палача.

Полыхнула слепящая синяя искра. Выжига глухо, утробно зарычал — впервые за тысячи лет железо смертного пробило его базальтовую броню, оставив дымящуюся, пахнущую грозой трещину, из которой потекла густая, черная как деготь сукровица. Но удар лишь задержал палача на два удара сердца. Раскаленная каменная ладонь наотмашь ударила Рудана в грудь, отшвырнув охотника к дальней стене пещеры с глухим хрустом сломанных ребер.

Выжига шагнул к Волоту, занося пылающую руку над расстеленными на базальте берестяными свитками и наузами.

Но старик не отпрянул и не закрыл лицо руками. В ту долю секунды, пока палач добивал охотника, Волот успел затянуть последний, замковый узел на пеньковой бечеве, с размаху швырнул готовый науз прямо в разверстый обсидиановый ковчежец, выдолбленный в каменном полу пещеры, и наотмашь полоснул себя обломком кремня по ладони, заливая узел собственной горячей кровью.

— Твое Имя заперто, палач! — хрипло выкрикнул Волот, наваливаясь грудью на крышку ковчега.

Огонь Выжиги ударил в упор, мгновенно превращая старика в горстку серого, невесомого пепла. Но было поздно. Кровь замкнула контур, и узел затянулся намертво.

Синяя, ледяная воронка Нави распахнулась из обсидианового ящика, с ужасающим, ревущим свистом втягивая в

себя раскаленное тело палача. Каменная маска Выжиги пошла радиальными трещинами, из щелей вырвался ослепительный белый свет, и через мгновение многотонная туша бога свернулась в тугую спираль, с глухим пушечным хлопком захлопнувшись внутри черного камня.

В пещере снова стало тихо и морозно. На базальтовом полу лежал лишь остывающий обсидиановый ковчежец с глубокой трещиной поперек крышки — след последнего удара палача — да два уцелевших берестяных свитка, закатившихся в щель под валун в углу пещеры. Крохи знания, которые Выжига не успел сжечь. Им предстояло пролежать в мерзлой земле пятнадцать тысяч лет.

Акт I. Скол и порог

Глава 1. Раскоп под Плёсом.

Летняя археологическая практика в Ивановской области пахла не романтикой древних курганов, а сырой, липкой глиной, прелой крапивой и дешевым репеллентом от комаров, который переставал работать ровно через пятнадцать минут после нанесения.

Палаточный лагерь истфака стоял на высоком волжском откосе в трех километрах от Плёса, скрытый от случайных туристов стеной старых берез и зарослями ивняка. Снизу, со стороны реки, доносился ровный плеск воды и далекий, ленивый гудок прогулочного теплохода, но здесь, в овраге,

стояла душная июльская жара.

Артём Дроздов сидел на дне двухметрового шурфа, методично счищая садовой кисточкой слой темного суглинка с обнажившегося пласта плотного известняка. На носу у двадцатилетнего третьекурсника постоянно сползали очки в тонкой металлической оправе, а выгоревшая футболка на спине давно потемнела от пота. За три недели раскопок студенты подняли лишь пару ржавых рыболовных крючков семнадцатого века, горсть битой гончарной керамики да старую медную пуговицу — улов, от которого руководитель практики, доцент Сергей Петрович, только мрачно морщился и уезжал в Приволжск за продуктами и сигаретами.

— Тёма, хорош землю гладить, обед стынет! — сверху, с края деревянной опалубки, свесилась стриженая голова Дэна Шилова по прозвищу Кабан. Дэн не учился на истфаке — он вылетел со второго курса автомеханического еще зимой и приехал с другом детства за компанию, устроившись в экспедицию разнорабочим, чтобы не торчать летом в душной городской общаге. В одной руке он держал пластиковый контейнер с гречкой и тушенкой, а в другой — два толстых ломтя черного хлеба. — Вера сказала, если через пять минут не вылезешь, она твою порцию местному коту отдаст. А кот тут такой, что сам кого хочешь сожрет.

— Подожди, Дэн, не шуми, — Артём даже не поднял головы, вглядываясь в открывшийся под слоем глины плоский серый камень. — Смотри сюда. Здесь не просто материко-

вый валун. Порода сверху обожжена до черноты, а по самому краю идут четкие насечки. Это не славянская вязь десятого века, это гораздо глубже.

Дэн тяжело спрыгнул на дно раскопа, подняв облачко сухой пыли, и присел рядом на корточки. При всей своей грузной, медвежьей комплекции двигался он удивительно мягко и бесшумно, словно привык не привлекать к себе лишнего внимания.

— Камни как камни, — пожал широкими плечами Кабан, жуя хлеб. — Обычный булыжник, каких по всей Волге навалом. Давай сфоткаем для отчета, засыплем и пойдем пожрем. У меня спина уже от вашей лопаты отваливается.

— Нельзя засыпать, под ним пустота, — Артём постучал деревянным черенком кисточки по центру плиты. Камень отозвался глухим, полым звуком, словно под ним скрывался погреб или выложенный изнутри каменный ящик.

В этот момент по приставной лестнице в шурф спустилась Вера. Двадцатидвухлетняя аспирантка-филолог с туго заплетенной русой косой, в выцветших джинсах и с планшетом под мышкой выглядела здесь единственным человеком, который действительно понимал, зачем они копают эту яму в глухом овраге. В отличие от Артёма, который верил только в стратиграфию, радиоуглеродный анализ и сухие цифры отчетов, Вера таскала с собой толстые тетради с зарисовками народных орнаментов и часами пропадала в местных краеведческих архивах.

— Опять нашел следы гиперборейцев, Дроздов? — усмехнулась она, присаживаясь с другого края плиты и включая налобный фонарь. — Сергей Петрович уехал в Приволжск на старом универсале, сказал без него нижний горизонт не трогать, а то опять слои перемешаешь.

— Посмотри на кромку, Вера, — Артём подвинулся, уступая ей место у расчищенного участка, и поправил очки. — Я сравнил эти знаки с праиндоевропейскими корнями, которые мы разбирали весной на спецсеминаре. Это не случайный орнамент. Это запорный код, древние черты и резы. А внутри — гляди, между камнями торчит кусок пеньки. Она не сгнила за тысячи лет!

Вера наклонилась ниже, направляя узкий луч фонаря в темную щель под известняковой плитой. Ее тонкие пальцы, привыкшие к работе с ветхими берестяными грамотами в новгородских и московских фондах, осторожно коснулись серого, почти окаменевшего узла, завязанного на толстой некрученой бечеве.

Улыбка медленно сползла с лица девушки.

— Это не простая пенька, Артём, — тихо произнесла она, вглядываясь в сложное, многослойное переплетение петель, уходящее вглубь ниши. — И это не погребение. Это науз. Охранный узел. Такие завязывали не для того, чтобы мертвый не вышел наружу... а чтобы то, что заперто внутри, никогда не проснулось.

Дэн, до этого лениво смотревший на их возню, вдруг за-

мер. Пластиковый контейнер с тушенкой в его руке едва заметно дрогнул. Он перевел тяжелый, неподвижный взгляд на темную щель под камнем, и его широкие плечи на миг напряглись так, словно он ждал удара в спину.

Но уже через секунду Кабан тряхнул головой и криво ухмыльнулся, возвращая на лицо привычную беспечную маску.

— Похоже на меня после зимней сессии, такой же закрытый, — хмыкнул он, хлопнув Артёма по плечу тяжелой ладонью. — Всё, хорош, археологи, пошли жрать, а то тушенка жиром пойдет.

Артём хотел ответить, но в этот миг край известняковой плиты, подмытый вчерашним проливным дождем, с сухим, скрежещущим звуком просел вниз. Тяжелый камень съехал в сторону, открывая глубокую, выложенную диким камнем нишу, в которой тускло блеснул черный, гладкий как стекло обсидиановый ковчежец с глубокой, рваной трещиной поперек крышки.

Глава 2. Первая.

Палаточный лагерь экспедиции стоял на высоком волжском откосе, заросшем старыми березами и высокой крапивой, в паре километров от крайних плёсских дач. К вечеру дневная духота спала, с реки потянуло сырой прохладой, пахнущей тиной, прелыми водорослями, березовым дымком

костра и тушеной картошкой из общей походной кухни.

Руководитель практики, доцент исторического факультета Сергей Петрович, вернулся из Приволжска на своем старом, забрызганном засохшей глиной универсале уже в густых сумерках. Осмотрев извлеченный из ниши обсидиановый ящик, который студенты осторожно перенесли на раскладной стол у штабной палатки, он только присвистнул, покрутив седыми усами.

— Ну, молодежь, тянет на приличную статью, а то и на кандидатскую, — пробормотал доцент, аккуратно протирая край камня чистым носовым платком и вглядываясь сквозь толстые линзы очков в трещину. — Порода вулканическая, чистое стекло, откуда ей в Ивановской области взяться — ума не приложу. Ближайший выход на Урале или на Кавказе. Значит, привозной. Торговый путь по Волге работал задолго до варягов и булгар. Вскрывать не смейте, даже не дышите на него. Утром повезу в город, в лабораторию на томографию и рентген. Положите пока в штабной вагончик под навесной замок.

Но спать в ту ночь никто из троицы не собирался.

Едва Сергей Петрович поужинал и ушел в свою палатку на другом краю поляны, а первокурсники расползлись по спальникам, Артём, Вера и Дэн заперлись в тесном, пропахшем старым линолеумом, сыростью и бумажной пылью строительном вагончике, который служил походной камералкой. Над длинным, сколоченным из нестроганых досок столом

тускло гудела энергосберегающая лампа, питавшаяся от тарахтящего за стеной бензогенератора.

Обсидиановый ковчежец лежал прямо под направленным светом настольной лупы. Вблизи он казался еще более чужеродным, чем на дне раскопа: черный, идеально отполированный камень не отражал желтый свет лампы, а словно втягивал его внутрь, оставаясь глухим, матовым и удивительно теплым на ощупь, хотя в вагончике уже тянуло ночным речным сквозняком.

— Смотри, Вера, — Артём развернул на столе лист миллиметровки с перерисованными в масштабе знаками и ткнул грифелем карандаша в крайний угловой символ. — Вот здесь, на стыке граней. Четкая структура праиндоевропейского корня, я такие же видел в атласе по археологии Южного Урала. Это не случайный орнамент, это настоящие черты и резы, только на несколько тысяч лет старше.

Вера, сидевшая напротив на перевернутом деревянном ящике из-под тушенки, закатила глаза и отпила остывший, пахнущий дымом чай из жестяной кружки.

— Дроздов, я тебя когда-нибудь учебником по исторической палеографии прибью, честно слово, — вздохнула она, наклоняясь к ковчежцу и поправляя сбившуюся на плечо русую косу. — Не мешай всё в одну кучу ради красивой теории. «Черты и резы» — это славянская дохристианская письменность, девятый-десятый век нашей эры, о ней еще черноризец Храбр писал. А этому камню по стратиграфии слоя ты-

сяч пятнадцать, не меньше. Здесь нет ни славян, ни индоевропейцев в их позднем виде. Это праязык. Базовый код, из которого потом выросли и руны, и глаголица, и северное узелковое письмо.

— Суть одна — это замок, — упрямо возразил Артём, сдвигая сползшие на кончик носа очки. — И посмотри на трещину поперек крышки. Камень лопнул еще в древности, но не открывается. Внутри явно пустота.

Дэн, развалившийся в углу вагончика на свернутых спальных мешках, весь вечер не проронил ни единого слова. Он сидел, привалившись широкой спиной к фанерной стене, и неотрывно, не мигая смотрел на черный ящик, медленно крутя в загрубевших пальцах тяжелую шестигранную монтировку, которую зачем-то притащил из багажника своей «Нивы».

— Вы бы не лезли в него руками, — глухо, без привычной шутки буркнул Кабан. — Сказал же Петрович — утром в город отвезет, там умные люди в белых халатах разберутся. Чего вам не спится?

— Да мы только сделаем макросъемку при боковом освещении для моей курсовой, — отмахнулся Артём, подвигая настольную лампу на гибкой ножке ближе к артефакту. — Вера, подержи лупу под углом. Видишь внутри трещины? Там бечева. Обычная крученая пенька, но она натянута как стальная струна.

Вера прищурилась, всматриваясь сквозь увеличительное

стекло в узкую, темную щель на черной крышке. В глубине камня действительно виднелся сложный, туго затянутый узел — точь-в-точь такой же по геометрии, какие она видела на древних берестяных амулетах в новгородских и московских фондах, только сплетенный с пугающей, нечеловеческой плотностью.

— Странно, — прошептала девушка, невольно подаваясь вперед и задерживая дыхание. — Узел завязан так, будто его тянули с двух сторон одновременно. И смотри, волокна пропитаны чем-то темным, похожим на засохшую смолу или... Если перерезать хоть одну нить...

Она не успела договорить.

Артём, пытаясь поудобнее развернуть тяжелый ковчежец под узким лучом лампы, не рассчитал усилия. Гладкий, матовый обсидиан неожиданно легко, словно смазанный маслом, скользнул по нестругаными доскам стола к самому краю. Инженер инстинктивно перехватил падающий ящик обеими руками, и его правая ладонь с силой прижалась прямо к острому, как бритва, зазубренному сколу трещины на крышке.

Острая, обжигающая боль полоснула кожу. Артём дернулся и выдернул руку, сжимая рассеченную ладонь, из которой на черный камень тут же упали три тяжелые, темные капли крови.

В вагончике на долю секунды стало абсолютно, оглушительно тихо. Перестал гудеть плафон над столом, а за фанер-

ной стеной словно захлебнулся, чихнул и затих бензогенератор.

Капли крови не растеклись по гладкому обсидиану. Они с тихим, змеиным шипением втянулись внутрь узкой трещины, мгновенно пропитывая сухую, окаменевшую пеньку науза.

Внутри ковчежца глухо, по-металлическому щелкнуло, словно сорвалась перетянутая до предела пружина. Пеньковый узел вспыхнул изнутри холодным, мертвенно-синим огнем и за доли секунды рассыпался в невесомый серый пепел.

— Назад! Ложись! — рявкнул Дэн, вскакивая с пола быстрее, чем Артём успел моргнуть.

Крышка обсидианового ящика не откинулась — она вскипела. Из узкой щели под чудовищным давлением ударила тугая, невидимая волна сухого, обжигающего жара, от которой с сухим звоном лопнула стеклянная колба настольной лампы. В тесном пространстве вагончика мгновенно завоняло паленой шерстью, кислым грозовым озоном и мокрой псиной.

Артёма отшвырнуло спиной на деревянные ящики, выбив воздух из легких. Вера глухо вскрикнула, закрывая лицо руками от летящих во все стороны мелких осколков стекла, а бумажные листы с чертежами на столе почернели по краям и свернулись в ломкую труху.

На месте ковчежца не появилось ни монстра с рогами, ни туманного призрака. Из расколотого надвое обсидиана вы-

рвался плотный, гудящий сгусток черного марева, который с глухим пушечным хлопком пробил фанерную крышу вагончика и ушел в ночное июльское небо над Волгой, оставив после себя лишь оплавленный, дымящийся камень и ледяную, звенящую тишину в ушах.

Глава 3. Выжига.

Он не упал с неба огненным столбом — он втянулся в этот мир сквозь узкую щель, как густой, раскаленный дым в печную трубу.

Сгусток черного марева, вырвавшийся из треснувшего обсидианового ковчежца, пробил фанерную крышу вагончика и растворился в ночном воздухе над волжским откосом. Несколько долгих минут Выжига не имел ни тела, ни веса. Он висел над темной, медленной лентой реки, оглушенный чужим, плотным миром, который за пятнадцать тысяч лет изменился до неузнаваемости.

Пахло не дымом костров и не свежей кровью мамонтов. Снизу, от уснувшего на берегу городка, тянуло горелой резиной, сладковатым выхлопом солярки и холодным, мертвым озоном от гудящих проводов над головой. Небо над ним больше не было чистым — его резали невидимые, плотные сети радиоволн, сотовых вышек и спутниковых лучей, от которых фантомную суть палача неприятно покалывало, словно от мелкой металлической стружки.

Выжига сжал свою рассеянную суть в тугой узел и рухнул вниз, на пустынную обочину старой асфальтовой дороги в полукилометре от раскопок.

Ему нужна была оболочка. Своя, первородная плоть из серого базальта и огня осталась запечатанной по ту сторону узла — пробить такую массу сквозь крошечную трещину в ковчежце он не мог. Но вокруг лежал мир, полный забытой золы, ржавого железа и теплой, неглубокой человеческой памяти.

По дороге, подсвечивая речной туман тусклыми желтыми фарами, медленно полз старый, проржавевший «Жигуль» с прицепом, груженным мешками с цементом. За рулем, зевая и щурясь от ночной усталости, сидел худой мужик в засаленной спецовке.

Выжига не стал ломать машину. Он просто шагнул в свет фар, заставив старый карбюраторный мотор захлебнуться и заглохнуть.

Мужик чертыхнулся, крутанул ключ зажигания — стартер жалобно щелкнул и замолчал. Выругавшись громче, водитель толкнул дверцу и вышел на обочину, доставая из кармана дешевую китайскую зажигалку.

— Эй, мужик, ты чего посреди дороги встал? — хрипло спросил он, вглядываясь в темноту перед капотом. — Не видишь, груженый иду...

Выжига не ответил. Он подошел вплотную, и воздух вокруг загустел, мгновенно высушив ночную росу на придо-

рожной траве. Завоняло паленой шерстью и раскаленным камнем.

Мужик не успел даже вскрикнуть — его дыхание перехватило сухим, обжигающим жаром. Палач положил невидимую ладонь ему на грудь, вплавляя собственную суть в чужую нервную систему, переписывая кости, сухожилия и память под свою мерку.

Тело водителя выгнулось дугой, сухо хрустнули позвонки, вытягиваясь на полголовы выше. Глаза налились тусклым, угольным светом и тут же погасли, обретая спокойное, тяжелое человеческое выражение.

Выжига медленно разжал и сжал чужие, загрубевшие от цемента пальцы. Прислушался к глухому, мерному стуку нового сердца. Оно было слабым, смертным, лишенным прежней циклопической мощи, но оно позволяло ходить по этому миру незамеченным и дышать этим грязным воздухом.

Палач подошел к открытой дверце «Жигулей», снял с сиденья старую темную куртку, накинул на плечи и порылся в бардачке. На свет божий появился потертый паспорт, пачка мятых купюр и дешевый смартфон с треснувшим защитным стеклом.

Выжига провел большим пальцем по экрану. Стекло вспыхнуло, выдав сетку цветных иконок и полоску сотовой связи. Внутри этой крошечной стеклянной коробочки билась слабая, но до боли знакомая искра — отголосок того самого небесного огня, которым когда-то владел Сварог.

На губах бывшего водителя проступила медленная, почти ласковая усмешка.

— Значит, вы научились прятать молнии в карман, писцы, — тихо произнес Выжига, проходясь по чужой памяти, впитывая названия городов, карту дорог и устройство этого нового мира. — Но имена ваши все равно остались в земле. Пора возвращать долги и отпускать уставших.

Он сел за руль, повернул ключ — мотор послушно заурчал, — и старая машина, развернувшись через сплошную, неторопливо покатила в сторону Приволжска. Охота началась.

Глава 4. Соседи по даче.

Старый бревенчатый дом на окраине дачного поселка под Плёсом пах сушеной мятой, печным дымом и свежей масляной краской, которой Пётр Ковалёв еще вчера подновлял резные наличники.

В просторной кухне, обшитой потемневшей от времени вагонкой, горела уютная желтая лампа под старым тканевым абажуром. Сорокатрехлетний Пётр, крепкий, коренастый мужчина с въевшейся в глубокие складки ладоней металлической пылью и мелкими точками старых сварочных ожогов на предплечьях, сидел за столом и неторопливо перебирал в пластиковом органайзере электроды для инвертора. Напротив него его жена Галина, приехавшая в двухнедель-

ный отпуск после изматывающих суточных смен на городской станции скорой помощи, раскладывала по стеклянным банкам свежую, только что собранную малину.

На продавленном диване у стены, уткнувшись в экран смартфона в больших беспроводных наушниках, лежала тринадцатилетняя Полина — угловатая, вечно недовольная подросток с выкрашенной в ярко-синий цвет челкой. А за маленьким столом у окна десятилетняя Алиса старательно выводила фломастерами в толстом альбоме огромного рыжего кота с тремя пушистыми хвостами.

— Петь, ты завтра утром на раскопки к студентам заглянешь? — спросила Галина, плотно закручивая жестяную крышку на банке. — Я пирогов с яблоками и корицей напекла, отнесешь ребятам в корзинке. А то сидят там в овраге на одной тушенке да макаронах, худые все, смотреть жалко.

— Загляну, конечно, — кивнул Пётр, добродушно усмехнувшись. — Заодно парню этому здоровому, Дэну, обещал глушитель на его старой «Ниве» подварить. Прогорел совсем, ревет на всю округу как трактор без резонатора.

— Опять к этим ботаникам попрётесь, — буркнула Полина, сдвинув одно ухо наушников и закатив глаза. — Мам, ну мы же на дачу отдыхать приехали! Я завтра с утра в Плёс на набережную хотела сходить, пофоткаться у Левитана, а вы с утра пораньше по глиняным оврагам таскаться собрались.

— Не ворчи, Поля, — спокойно отозвалась мать, вытирая руки вафельным полотенцем. — Прогуляешься после обе-

да, никуда твоя набережная не убежит. Алиса, ложись давай, двенадцатый час уже, завтра с утра на речку купаться пойдем.

Младшая дочь не ответила. Она перестала водить фломастером по бумаге и сидела совершенно неподвижно, выпрямив спину и уставившись в темное оконное стекло, за которым чернел заросший малиной и старыми яблонями сад.

— Алис? Ты чего замерла? — Пётр нахмурился и повернул голову к окну.

В этот самый миг со стороны волжского откоса, где за лесом стоял лагерь археологов, донесся глухой, сдавленный хлопок — словно далеко под землей взорвался старый газовый баллон или рухнул подмытый водой берег.

Лампа под абажуром над кухонным столом вспыхнула ослепительно-белым, режущим глаза светом и с сухим, звонким треском лопнула, осыпав клеенчатую скатерть мелкими стеклянными осколками. Старый холодильник в углу жалобно звякнул реле, дернулся и затих. За окнами, вдоль всей улицы дачного поселка, разом погасли тусклые уличные фонари, погружая ночь в кромешную, глухую темноту.

— Пробки выбило, что ли? Или на подстанции трансформатор рванул? — Пётр чертыхнулся, нащупывая в темноте тяжелый карманный фонарик на подоконнике. — Галь, не двигайся с места, там стекло на полу!

Но Алиса даже не вздрогнула от лопнувшей лампы. Десятилетняя девочка медленно поднялась со стула и прижалась

обеими ладонями к холодному оконному стеклу. В тусклом лунном свете, пробившемся сквозь рваные ночные тучи, ее лицо казалось белым как мел, а темные глаза неестественно расширились.

— Пап... — тихо, почти шепотом позвала она, не отрывая взгляда от темноты сада. — Там в кустах за забором кто-то стоит. У него глаза как угли в печке. И пахнет мокрой собакой.

Пётр полоснул ярким лучом светодиодного фонаря сквозь стекло, выхватывая из мрака заросли смородины, покосившийся деревянный забор и мокрую от росы траву. Никого там не было — только тяжело качались на внезапно налетевшем порыве ветра ветки старой яблони.

Но в ту же секунду по сухим, смолистым бревнам стены снаружи с неприятным, скребущим звуком пробежали невидимые когти, словно кто-то провел по дереву пучком ржавой проволоки. А на запотевшем от дыхания стекле изнутри, прямо перед лицом Алисы, сами собой проступили три кривые, угловатые черты, выжженные в тонкой изморози сухим, колючим жаром.

Полина на диване сдавленно взвизгнула, поджав ноги под себя, а Галина мгновенно бросилась к младшей дочери, оттаскивая ее от окна и прижимая к груди. Пётр перехватил фонарик обратным хватом и шагнул к сеням, где у двери стоял тяжелый топор для колки дров. Мирная, понятная жизнь семьи Ковалёвых закончилась ровно в ту секунду, когда из

раскопа под Плёсом вырвалась первая искра.

Глава 5. След ожога.

В тесном строительном вагончике камералки пахло пережженной проводкой, кислым грозовым озоном и мокрой псиной. Сквозь рваную, оплавленную по краям дыру в фанерной крыше, куда ушло черное марево, тянуло холодным ночным воздухом с Волги и виднелись редкие, бледные звезды.

Артём сидел на засыпанном битым стеклом линолеуме, зажимая левой ладонью правую руку. Кровь из глубокого пореза больше не шла — края раны стянулись странной, сухой серой коркой, словно их прижгли раскаленным паяльником, но кожа вокруг не болела привычной острой болью, а неприятно, глубоко зудела, словно под ней копошились мелкие муравьи.

— Живой, археолог? Кости целы? — Дэн присел рядом на корточки, быстро ощупывая плечи, ключицы и голову друга жесткими, уверенными движениями. В отличие от Артёма, у которого мелко дрожали колени и сбилось дыхание, Кабан выглядел пугающе собранным. Он уже успел сунуть свою тяжелую шестигранную монтировку за пояс джинсов и теперь внимательно прислушивался к звукам снаружи.

В лагере экспедиции поднимался переполох. Из брезентовых палаток выскакивали разбуженные глухим хлопком сту-

денты, по кустам замелькали яркие лучи налобных фонариков, послышался встревоженный, срывающийся бас доцента Сергея Петровича:

— Что там у вас рвануло?! Газовый баллон на кухне?! Артём! Вера! Живы?!

— Быстро, — тихо и резко сказала Вера. Девушка уже справилась с первым шоком и действовала с холодной, почти машинной четкостью. Она схватила со стола уцелевший брезентовый рюкзак Артёма и смахнула туда обгоревшие по краям листы миллиметровки с зарисовками знаков. — Если Петрович увидит расколотый ящик и оплавленную дыру в потолке, он через пять минут вызовет МЧС, полицию и ФСБ. У нас заберут всё до последней крошки и закроют в обезьяннике до утра.

Артём кивнул, с трудом поднимаясь на ноги и опираясь здоровой рукой о край стола. Обсидиановый ковчежец лежал на фанере, расколотый ровно надвое. Внутри него было пусто — только на черном матовом дне серела горстка невесомого пепла от сгоревшего науза да торчал из паза тонкий, неразвязавшийся кончик пеньковой бечевы, оплавленный на срезе как темное бутылочное стекло.

— Забирай обе половинки, — выдохнул Артём, осторожно обертывая все еще горячий камень толстой брезентовой рабочей перчаткой. — И эту нить не потеряй. Вера, это точно не короткое замыкание и не баллон. Ты видела, что оттуда вылетело? Оно прошло сквозь крышу, не оставив копоти,

но фанера по краям оплавилась, как от автогена.

Едва тяжелые куски обсидиана легли на дно рюкзака, а Дэн задвинул его ногой под стол, дверь вагончика с треском распахнулась. На пороге замер Сергей Петрович в накинутой поверх майки штормовке, освещая разгром мощным фонарем. За его спиной толпились перепуганные первокурсники в трусах и спортивных штанах.

— Это что еще за фокусы?! — голос доцента сорвался на визг, когда луч уперся в дыру в потолке и разбитую настольную лампу. — Я же русским языком приказал — не трогать! Вы что, зубилом его вскрыть пытались?! Где ковчежец?!

— Уронили, Сергей Петрович, виноваты, — без запинки соврал Дэн, нарочито неуклюже переступая с ноги на ногу и загораживая собой стоящий под столом рюкзак. Он сделал виноватое, глуповатое лицо и почесал стриженый затылок. — Тёма камень крутил под лампой, я на ящик из-под тушенки наступил, табуретка подломилась. Лампа коротнула, проводка тут гнилая, вот и пыхнуло. А ящик... вон, в угол под верстак закатился, мы его брезентом накрыли, чтобы никто об острый край не порезался.

Сергей Петрович недоверчиво сощурился, переводя взгляд с бледного как полотно Артёма на спокойного, добродушного Кабана. В воздухе все еще висел тяжелый, удушливый запах мокрой шерсти и грозового озона, который никак не вязался с коротким замыканием старой проводки.

— В угол, значит... — процедил доцент, доставая из кар-

мана штормовки смартфон. — Завтра с утра здесь будет комиссия из областного центра и полиция. Из лагеря никому ни шагу! Если вы угробили уникальный дохристианский артефакт, я вас обоих из университета с волчьим билетом вышвырну!

Он резко развернулся и пошел к своей палатке, уже набирая номер на светящемся экране. Сотовая сеть на высоком откосе, в отличие от обесточенного дачного поселка внизу, еще ловила — вышка на другом берегу Волги продолжала мигать красным огоньком.

Дэн плотно прикрыл дверь вагончика, накинул изнутри железный крючок и повернулся к друзьям. Вся его напускная дурашливость исчезла за одну секунду.

— До утра мы здесь не сидим, — твердо сказал Кабан, закидывая тяжелый рюкзак на одно плечо. — Петрович сейчас ментов из Приволжска нагонит, нас закроют до выяснения, а камень увезут в сейф. И то, что вылетело из этой шкатулки, никуда не делось. Оно рядом.

— Куда мы пойдем посреди ночи? — тихо спросила Вера, глядя на свою ладонь, на которой остался серый отпечаток пепла от сгоревшего науза. — У нас ни денег нормальных, ни понимания, что это вообще было.

— Машина есть, моя «Нива» у крайних берез в кустах стоит, — отрезал Дэн. — А место... Вспомни, кто к нам сегодня днем на раскоп приходил. Мужик тот здоровый, с крайних дач, который глушитель мне обещал заварить. У него

дом в километре отсюда, за оврагом. Нам нужна крыша, свет и стол, чтобы ты смогла прочитать эти чертовы бумажки до того, как эта тварь вернется за нами.

Артём посмотрел на свою рассеченную правую ладонь. Серая корка на порезе вдруг едва заметно пульсировала изнутри тусклым, холодным синим светом, словно внутри нее бился крошечный уголек. Они еще не проиграли — они только что украли у древнего врага его собственную тюрьму и собирались выяснить, как запереть дверь обратно.

Глава 6. Ночной брод.

Старая, переваренная по порогам «Нива» Дэна не любила сырую ивановскую глину, но ехать по асфальту через Приволжск сейчас было все равно что самому прийти в дежурную часть и положить расколотый черный ящик на стол следователю. Поэтому Кабан свернул сразу за крайней березой лагеря в заросшую лопухами лесовозную колею, уходящую в глубокий, темный овраг.

В тесном салоне пахло промасленной ветошью, перегретым тосолом и сырым брезентом рюкзака, который Вера прижимала к коленям на заднем сиденье. Артём сидел спереди, придерживая правой рукой обмотанную свежим бинтом из автомобильной аптечки ладонь.

— Тёма, не ёрзай, — глухо бросил Дэн, крепче перехватывая тонкий пластиковый руль, когда переднее колесо с влаж-

ным чавканьем нырнуло в размытую дождем яму. — До дач тут полтора километра напрямую через низину. Выедем прямо к заднему забору этого твоего сварщика.

— Да я не ёрзаю, — процедил Артём сквозь стиснутые зубы, вглядываясь в лобовое стекло, где в тусклом желтом свете штатных фар клубился плотный, серый туман. — Рука горела сухим, обжигающим жаром, но это был не кипяток — это был жар раскаленного металла. И тихо слишком. Ты слышишь? Даже сверчков и лягушек нет.

Дэн промолчал. Он слышал эту мертвую тишину еще с тех пор, как из ковчежца в вагончике вырвалось черное марево. Воздух в низине стал тяжелым, влажным и вязким, как остывающий студень. Сквозь щели в старых дверных уплотнителях внутрь машины тянуло знакомым с детства, тошнотворным запахом — паленой шерстью, сырой гнилью и мокрой псиной.

На середине оврага, там, где старую колею пересекал заболоченный ручей с прогнившим бревенчатым настилом, «Нива» дернулась. Карбюраторный мотор глухо чихнул, стрелка тахометра упала на ноль, и машина, проехав еще пару метров по инерции, намертво увязла правым бортом в черной, липкой жиже. Приборная панель мигнула тусклым красным глазом аккумулятора и погасла.

— Приехали, — тихо сказала Вера с заднего сиденья. — Заглохла?

— Проводку коротит, сыро тут, — спокойно ответил Дэн,

хотя прекрасно знал, что генератор и свечи зажигания здесь ни при чем. Когда Навь сгущается вокруг, первыми всегда дохнут аккумуляторы и катушки. — Сидите в машине. Двери изнутри заблокируйте. Я сейчас трос лебедки за ольху зацеплю.

— Я с тобой, — Артём потянулся левой рукой к ручке двери, но тут же зашипел и отдернул ладонь.

В темноте салона сквозь марлевую повязку на его правой руке проступил ровный, холодный, мертвенно-синий свет. Синева под бинтом пульсировала в такт сердцу, отбрасывая на серый пластик торпеды бледные голубые блики.

— Вот это да... — выдохнула Вера, подаваясь вперед между передними креслами. — Артём, что с рукой?

— Не знаю, — прошептал археолог, завороженно глядя на сияющую марлю. — Она бьет током. Будто внутри остался заряд.

Дэн посмотрел на синий свет, пробивающийся сквозь бинт друга, и внутри у него все сжалось в тугой, ледяной узел. Точно так же, холодным синим светом, светились десять лет назад щели под дверью в старом доме под Костромой, когда ночной туман забрал его старшего брата. Все эти годы Кабан прятал ту ночь за маской туповатого, беспечного увальня, убеждая себя и психиатров, что ему просто привиделось от страха.

Но сказка закончилась. Она снова стояла за порогом.

— Сидеть, я сказал, — жестко отрезал Дэн, и в его голосе

не осталось ни капли привычной ленцы. — Окна не открывать, на свет не смотреть.

Он толкнул тяжелую дверь «Нивы» и шагнул в густой, холодный туман. В правой руке Кабан сжимал длинную шестигранную монтировку из инструментального ящика — единственный кусок честного, толстого железа в машине.

Туман вокруг автомобиля шевелился. Он не плыл по ветру — он стягивался к капоту плотными, серыми прядями, словно грязная вата. Из зарослей ольшаника донесся сухой, трескучий шелест, похожий на трение сухих сучьев друг о друга, смешанный с тонким, вибрирующим комариным писком.

Из белесой мути прямо перед бампером «Нивы» шагнула тварь. Это не был зверь из учебника зоологии. Сгорбленная, вытянутая на две человеческие головы фигура была сплетена из гнилых, покрытых черной слизью ветвей, обрывков торфяного мха и тонких, хитиновых крыльев болотного гнуса, которые непрерывно дрожали на ее спине, издавая тот самый мерзкий, сверлящий мозг зуд. На месте головы темнел пустой олений череп, из глазниц которого сочился мутный желтый пар.

Позади первой твари из оврага вытягивались еще две. Они почуяли свежую метку на руке Артёма и шли на ее синий свет, как ночные мотыльки на лампу.

В салоне «Нивы» глухо вскрикнула Вера, ударив ладонью по стеклу.

Первая тварь выбросила вперед длинную, суставчатую лапу, заканчивающуюся пучком острых как шило сучьев, целясь прямо в лобовое стекло перед лицом Артёма.

Дэн не закричал и не отступил. Внутри него вдруг наступила странная, звенящая ясность — та самая, которую он так долго гнал от себя. Наконец-то перед ним было не вранье взрослых, не справки следователей и не равнодушие врачей, а настоящий, осязаемый враг, которого можно ударить.

Кабан коротко шагнул навстречу твари, уходя с линии удара, и с размаху, вложив в движение всю массу своих ста килограммов, обрушил стальную монтировку на ее сплетенное из гнилых веток колено.

Сталь прошла сквозь слизь и древесину, но не перерубила ногу, а застряла в ней, выбив сноп тусклых, синеватых искр. Тварь издала пронзительный, свистящий вопль, похожий на лопнувший паровой клапан, и завалилась набок в грязь, утягивая инструмент за собой. Дэну пришлось упереться ногой в капот, чтобы вырвать монтировку из вязкой, окаменевшей плоти.

Вторая тварь тут же прыгнула Дэну на спину, вцепившись когтями в плотную джинсовую куртку. Едкая, ледяная слизь обожгла шею, в нос ударил невыносимый смрад паленой шерсти и болотной гнили. Кабан зарычал, перехватил освобожденную монтировку обратным хватом и, резко присев, перекинул тяжелое, сухое тело монстра через себя прямо на капот «Нивы». Не давая твари подняться, он с силой

вбил стальной конец прута в пустые глазницы оленьего черепа.

Кость раскололась с сухим, каменным стуком. Тварь дернулась в последний раз и мгновенно рассыпалась горсткой мокрого трухлявого хвороста и мертвых комаров, оставив на капоте лишь жирный, пахнущий озоном след.

Третья тварь, шипя и щелкая крыльями, попятилась обратно в туман, но тут в кустах на гребне оврага вспыхнул яркий луч светодиодного фонаря, и раздался громкий, хриплый мужской голос:

— Эй, внизу! Кто там?! Живые есть?!

Оставшийся монстр шарахнулся в темноту и растворился в тумане. Через несколько секунд по скользкому склону оврага к застрявшей «Ниве» спустился коренастый мужик в брезентовой штормовке с тяжелым топором на длинном топорище в одной руке и фонарем в другой — Пётр Ковалёв, услышавший шум борьбы со стороны своего участка.

Дверь «Нивы» распахнулась, и на землю выскочили бледный как мел Артём и трясущаяся Вера. Они смотрели на Дэна так, словно видели его впервые в жизни.

Кабан стоял посреди разбитой колеи, тяжело дыша и сжимая в руке измазанную черной слизью монтировку. На его разбитых костяшках выступала кровь, но на лице впервые за десять лет не было глупой, напускной улыбки.

— Тёма, — тихо сказал Дэн, вытирая рукавом грязный пот со лба и глядя на светившуюся в темноте руку друга. —

Доставай свой черный ящик. Нам надо поговорить с этим мужиком. И прятаться пора по-взрослому.

Глава 7. Утренний кордон.

Утро в дачном поселке под Плёсом началось не с пения петухов, а с далекого, тревожного воя сирен со стороны волжского откоса.

В бревенчатом доме Ковалёвых занавески на всех окнах были плотно задернуты. В кухне горела только одна настольная лампа, подключенная к старому автомобильному аккумулятору, который Пётр притащил из гаража — электричество в поселке после ночного выброса так и не дали.

Артём сидел за кухонным столом. Галина, жена Петра, с профессиональной сосредоточенностью фельдшера скорой помощи закончила перевязывать его правую руку свежим стерильным бинтом, но сквозь марлю по-прежнему пробивалось тревожное синее мерцание.

— Ожог термический, с обугливанием краев, но ведет себя как статический разряд, — негромко сказала Галина, убирая перекись и ножницы обратно в аптечку.

Вера молча достала из бокового кармана рюкзака моток старой окисленной медной проволоки, которую они еще позавчера подобрали в верхнем слое раскопа. Она плотно обмотала ладонь Артёма поверх бинта, оставив длинный свободный конец, который коснулся чугунной ножки стола. Как

только холодный металл лег на повязку, пугающее синее свечение под тканью мгновенно притухло, превратившись в едва заметную, тусклую искру.

— Заземление, — коротко пояснила Вера, вытирая вспотевший лоб. — Эта дрянь не терпит проводников.

На другой половине стола, прямо на клеенке в цветочек, лежали две половинки расколотого обсидианового ковчежца, обугленные листы с зарисовками Артёма и тот самый оплавленный, серый кончик пенькового науза.

Пётр стоял у двери, приоткрыв край занавески и глядя на проселочную дорогу, по которой в сторону лагеря археологов одна за другой проносились машины полиции, два белых микроавтобуса МЧС и черный тонированный внедорожник без опознавательных знаков.

— Доцент ваш шум поднял знатный, — глухо проговорил Пётр, опуская занавеску. — Дорогу на Приволжск перекрыли. У оврага пост выставили, проверяют все машины. Вашу «Ниву» мы вовремя ко мне в сарай загнали и сеном завалили, а след в овраге я граблями заровнял. Но долго вы тут не просидите. Если в лагере увидят, что вы сбежали, и свяжут это с пропажей ящика — к вечеру пойдут по домам с обыском.

— Нам не нужно сидеть здесь долго, Пётр Алексеевич, — Вера оторвалась от лупы, через которую последние два часа изучала внутреннюю сторону крышки ковчежца. Глаза у девушки покраснели от недосыпа, но в голосе звенела лихора-

дочная, азартная ясность. — Я почти разобрала внутреннюю вязь. Смотрите сюда, Артём.

Артём наклонился над столом, поправляя очки. На гладкой, черной поверхности обсидиана, там, где раньше крепился сгоревший пеньковый узел, проступали тончайшие, едва видимые царапины — микроскопическая резьба, не заметная при обычном свете.

— Это не запорный код, как ты думал вчера, — тихо сказала Вера, водя кончиком карандаша вдоль тонких линий. — Это карта. Вернее, перечень точек. Древние писцы запечатали здесь того, кого называли Выжигой — палача, который сжигал их книги. Но перед тем как захлопнуть крышку, они вырезали внутри координаты уцелевших схронов. Тальмудов, в которых записаны Имена остальных богов и способы ковать против них железо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.